

Дорогой К. Б.

A LINEA

К вопросу об определении понятия «системности реформ» в контексте социально-политической ситуации в современной России

Дорогой Константин Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант факультета социологии
kdorogoy@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена формированию категориального аппарата в отношении российских реформ переходного периода. В данной работе анализируется применимость понятия «системность реформ» к происходящим социально-политическим преобразованиям. Кроме того, автором отслеживается возможность включения различных концептуальных основ общей теории систем в рассмотрение процесса реформирования (Парсонс, Истон, Луман и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российские реформы, системный анализ, структурализм

Dorogoy K. B.

On a Question of Definition of Concept «Systemacity of Reforms» in the Context of a Social and Political Situation in Contemporary Russia

Dorogoy Konstantin Borisovich

Saint-Petersburg State University Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Faculty of Sociology
kdorogoy@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of the categorical apparatus in relation to the Russian reforms of the transition period. In this paper it's analyzed the applicability of the concept of «systemic reforms» to the current socio-political transformations. In addition, the author traces the possibility of integrating different conceptual foundations of general systems theory in the consideration of the reform process (Parsons, Easton, Luhmann etc.).

KEYWORDS

Russian reform, system analysis, structuralism.

Вопросы системного реформирования занимают умы множества авторов в социологической, экономической, политической и других областях. Особенно громко этот вопрос начинает звучать в период завершения холодной войны, когда потребовалась основательная институциональная реорганизация стран — бывших участников социалистического лагеря. Россия — государство, занявшее роль правопреемника одной из сверхдержав биполярного противостояния, должна была и могла занять позицию эталонного примера в ходе реализации таких преобразований. Довольно сложно оценить реальное значение реформ в условиях множественности мнений, в том числе и экспертных, относительно одних и тех же вопросов начиная от формы государственного управления, заканчивая экономической и социальной политикой.

Проблема заключается именно в том, что процесс реформирования выступает в качестве весьма уязвимой сферы для критики. Особенно сильно эта критика

проявляется, если в данный момент времени нет возможности наблюдать видимые результаты реформ.

Российские процессы реформирования не становятся исключениями для критики как изнутри, так и извне страны. Политические последствия, например, с точки зрения одного из ведущих исследователей данного вопроса Р. Симоняна [4], рассматриваются с такой позиции, что реформаторы отбили у большинства россиян желание строить демократию, полностью дискредитировав ее ценности. Увидев, в каком обществе они оказались в результате перехода к рыночным отношениям и приватизации, пишет этот автор, россияне потянулись к сильной руке, поэтому теперь складываются авторитарные механизмы в системе управления, что является органичным итогом реформ 1990-х. Авторитарная направленность нынешней власти, считает автор, есть естественная реакция на деятельность реформаторов 1990-х годов: она востребована и поддержана значительной частью населения. «Люди, которые призывают сегодня россиян под знамена демократии и либерализма, не осознают (или не хотят осознавать) враждебности основной массы населения к этим категориям и того, что «путинизм» — естественное продолжение «ельцинизма», — пишет Р. Симонян. — Сосредоточившись на критике путинского режима, они оставляют в стороне его острую востребованность: в конце 1990-х гг. общественные ожидания мог удовлетворить только тот, кто остановит эту „демократию“» [4].

Отечественные и зарубежные исследователи видят проблему в резком пере строении социально-ориентированной политической системы в новую не достаточно организованную форму. В частности, российский ученый В. П. Милецкий отмечает, что «в условиях постсоветского реформирования России в 90-е годы была демонтирована не только советская модель социализма, но и существовавшая в СССР автократическая модель социального государства» [3]. Кроме того, о России часто сообщается как о стране, имеющей слабое гражданское общество, что противопоставляется, например американскому случаю [10]. Но наиболее характерно в описании России — это то, что в ней проявляется слабость в отношении соблюдения множества официально действующих законов [9].

В то же время представляется необходимым постараться уйти от эмоционального аспекта, сопутствующего всем сопряженным с реформами проблемам. Это наталкивает исследователя на поиск методологической основы для беспристрастного изучения процессов реформирования. Оценочным потенциалом в этом отношении обладает категория «Системности», которая могла бы быть приложена к процессу реформирования.

Системность как свойство в отношении реформ и изучаемых социальных объектов в целом может быть описано с двух разных позиций, имеющих право на существование. Первая из позиций связывается с пониманием системности как признака объекта в диалектике Гегеля (который применял это понятие собственно к философии), К. Маркса, Ф. Энгельса (наиболее ясно определившие признаки системности для общественных формаций) и может способствовать особому представлению о рассматриваемом объекте. Вторая позиция определяет это понятие в контексте использования процедур системного подхода (основателем которого считается Людвиг фон Берталанфи) к процессу управления таким образом, что это действие базируется на построении системной модели, предвещающей и сопровождающей процесс (в рассматриваемом случае процесс управления).

Не умаляя значимость теорий философов XIX в., все же необходимо отметить, что их взгляды именно в отношении системности носят упрощенный характер и могут рассматриваться только в контексте широкого философского дискурса. В то же вре-

мя, вторая позиция, принимающая за основу характерные системному анализу процедуры, может быть применена к изучению проблем эффективности осуществляемых в постсоветской России общественно-политических и экономических реформ.

Системная теория позволяет нам иметь сдержанную оценку ситуации в области реформирования. В то же время, исследователь довольно часто сталкивается с понятийной и методологической путаницей. В настоящее время имеется более 40 определений системы [2, с. 228]. В данной статье рассматривается такой подход, в истоки которого были положены взгляды А. А. Богданова, Л. фон Берталанфи. Следует отметить, что оба этих ученых также выступали в качестве исследователей, стремившихся к созданию общей теории систем (последний с признаваемым большинством наших современников успешным результатом).

А. А. Богданов ввел интересный термин «ингрессия», который выражает этап перехода системы к новому качеству (например, рост сплоченности, взаимопонимания, сработанности коллектива), а понятие «дезингрессия», наоборот, означает процесс деградации системы, ее распада как целостного объединения. Представленные категории представляют чрезвычайно важное значение с точки зрения анализа системности реформ, однако они не были снабжены методологическим инструментарием в его работах.

Процесс реформ в государствах, наблюдаемых этим ученым, происходил на фоне смены исторических эпох, перехода к Версальско-вашингтонской системе международных отношений. Соответственно, проходящие события и особенности структуризации политических систем отмечались Богдановым: «Новое сохраняется и растет, но и старое не разрушается; в этом смысле положительный подбор консервативен; общих, широких преобразований общественной структуры, глубоких реформ экономическое процветание само по себе не порождает; общество, как говорится, живет настоящим, которое его удовлетворяет» [1]. В то же время, сохранение архаичных форм в новых политических моделях отечественному исследователю представлялось угрожающим: «Усложнение жизненных отношений, рост их неоднородности уменьшают стройность и устойчивость всей системы. Так, Англия в эпоху своего господства на мировом рынке после целых столетий процветания отличалась и развитием экономических крайностей — гигантских богатств рядом с глубочайшей нищетой, и сохранением отсталых идеологий одновременно с прогрессивными как страна наибольшей религиозности, устаревших политических традиций и т. п. Во всех подобных случаях рано или поздно накопление внутренней неустойчивости доходит до кризиса» [1].

Л. фон Берталанфи вместе с разработкой основных категорий, которые по сей день выступают в качестве ключевых в системной теории: система; целостность; элемент; структура; функция не затрагивал проблем реформ. Австрийский исследователь не имел определенных позиций в этом вопросе, но вслед за Богдановым он развивал мысль относительно кризисных явлений и стабильности общественных систем, углубляя методологическую проработанность этих вопросов: «По закону нестабильности, многие организации находятся в нестабильном равновесии, но демонстрируют циклические флуктуации, выступающие результатом взаимодействия подсистем. Это, кстати, вероятно может быть объяснено в терминах теории Вольтерра, так называемый первый закон бытия от Вольтерра, состоящий в описании периодических циклов в популяциях двух видов, один из которых питается за счет другого». Таким образом, Берталанфи видит причины кризисных проблем в рамках систем в колебаниях, возникающих благодаря элементам их внутренней организации. Значительное внимание он отводит проблеме конкуренции в рамках общественных систем, утверждая, что за этим скрывается общая стабильность системы: «Неписанный закон олигополитических государств состоит в том, что при наличии конкурирующих организаций, нестабильность их отношений, а отсюда и опасность разногласий

и конфликтов возрастает с сокращением числа этих организаций. Таким образом, пока они относительно небольшие и пребывают во множестве, они могут преодолевать сложности в режиме сосуществования. Как только остается лишь конкурирующая пара, как, например, колоссальные политические блоки современности, конфликты становятся разрушительными вплоть до взаимного уничтожения» [17, с. 49].

Прогресс в области рассмотрения системности реформ связан с именами Т. Парсонса, Д. Истона и К. Дойча. Создавая свои теории, вышеперечисленные социологи опирались на методологический арсенал экономической науки. В то же время их выводы стали важной методологической парадигмой политической науки. Для приверженцев системного подхода были свойственны следующие общие позиции:

1. Социальная система — это множество элементов, которые сохраняют связь и взаимодействие в данном окружении.
2. Социальная система обеспечивает интеграцию множества индивидов.
3. Состояние равновесия в системе поддерживается путем регулирующей деятельности социальных институтов на инженерном уровне, которая с помощью общих образцов, норм и ценностей организует общество в самосохраняющееся целое.
4. В социальной системе индивид, через которого осуществляется системная деятельность, выступает как исполнитель определенных ролей деятель.

Что касается вопроса реформ с позиции этого ученого, то Парсонс разработал общую теорию действия и, в частности, социального действия (структурный функционализм) как самоорганизующейся системы. В последней, которая задана набором функциональных проблем любой системы (адаптация, достижение цели, интеграция, поддержание образца), Парсонс аналитически вычленяет подсистемы социальной структуры, культуры, личности. Ориентации действующего лица (актера) описываются при этом с помощью набора стандартных (типовых) переменных. Этот теоретический язык Парсонс использовал для описания систем экономики, политики, права, религии, образования. На его взгляд, в обществе господствует инструментальная, функциональная рациональность — организационная цель, что отражает потенциал реформирования.

Структурно-функциональный метод Т. Парсонса, который базируется на модели обменов между подсистемами, представляет особую ценность для рассмотрения процесса реформирования. На уровне социальной системы, в соответствии с представлениями этого ученого, функции адаптации обеспечивает экономическая подсистема, функцию целедостижения — политическая, функцию интеграции — правовые институты и обычаи, функцию воспроизводства социальной структуры — система верований, мораль и органы социализации (включая семью и институты образования).

Парсонс уточняет необходимость реализации конкуренции в политическом процессе. В качестве примера приводит американскую двухпартийную систему, справляющуюся с проблемами нестабильности только благодаря проведению дополнительных реформ. Однако двухпартийность американской модели как раз и сохраняет некую вариативность реакций социума на изменения и делает систему гибкой по отношению к реформированию, что не могло бы реализовываться в однопартийных системах [14, р. 349–350].

Хотя социальные программы были недостаточными и разрозненными, хотя бремя их финансирования в значительной мере упало всей своей тяжестью на рабочий класс в виде повышенных налогов. Ограниченные прогрессивные перемены, о которых он говорит, и есть результаты постепенной мирной реформы. Объясняя стабильность логически несоотносимую с протекающими изменениями, Парсонс трактует подчиненность политических факторов особым иррациональным механиз-

мам, связанным с доверием политическим лидерам и политическому режиму. В наиболее устойчивой форме приобретающего характер «всеобщего консенсуса» (*overarching consensus*), который в свою очередь базируется на разнонаправленных силах, обеспечивающих стабильность, порядок и равновесие [15, р. 441–442]. В конце концов, при наличии сплочения и консолидированности в обществе, с точки зрения этого ученого, течение реформ в не зависимости от реальных их результат в определенной мере способно быть стабилизирующим фактором.

Парсонс утверждает, что наиболее эффективный способ сориентировать общество на проведение реформы — это установка на достижение (*achievement*). Чтобы склонить чашу весов общественной жизни от атрибуции к достижению — этот автор предлагает нам рационально-правовой тип модернизации — именно ту позицию, в которой реформа «работает». Чтобы изменить общественную институциональную структуру, предстоит охватить практически все другие, а именно, семью, образование, то есть школы и вузы, правительство, и политику в целом [16].

В отличие от предшествующего ученого, акцент внимания Истона — на изменчивости и динамичности политических систем, на роли различных структур в поддержании непрерывности функционирования политической системы. Истон определяет политическую систему как взаимодействия, посредством которых в обществе осуществляется распределение ценностей и на этой почве предотвращаются конфликты между членами общества. При рассмотрении политических систем Истон использует кибернетический принцип замера показателей функционирования системы на ее «входе» (запросы и потребности граждан) и «выходе» (решения и действия властей).

Все иные системы общества, не относящиеся к политической системе общества, образуют ее окружение, которое подразделяется на внутреннее и внешнее, что необходимо подвергать серьезному анализу в преддверии и в ходе осуществления реформ. «Интрасоциетальная часть окружения включает системы, принадлежащие к тому же обществу, что и политическая система, но отделенные от этой последней нашим определением политических взаимодействий. Внутренние системы включают совокупности, связанные с поведением, позициями и идеями, которые можно назвать экономика, культура, социальная структура или личность; все это элементы функционирования общества, частью которого является и изучаемая политическая система... Вторая часть окружения, которую мы называем экстрасоциетальной, включает в себя все системы, находящиеся вне рассматриваемого общества»; из этого, по Истону, следует, что суверенитет всех государств, помимо США, является мифом — ибо все они испытывают влияние глобального окружения.

По Истону, условием нормального функционирования и развития политической системы является примерное равновесие «на входе» и на «выходе», что требует от политической системы своевременно реагировать на идущие снизу запросы, без чего она лишится поддержки граждан. В случае, если требования общества станут чрезмерными, возможна перегрузка политической системы (*stress*) вплоть до угрозы ее разрушения. Ситуация перегрузки может возникнуть и в случае, если к системе будет предъявлено слишком много требований, требующих долговременного решения.

Для иллюстрации своего тезиса о «перегрузке» Д. Истон приводит пример Франции в 1965 г., когда одновременно возникли требования новой национализации в промышленности, большей солидарности с НАТО и большей солидарности в решении вопроса о прекращении ядерных испытаний [8].

Несколько иную точку зрения на осуществления реформ представляют исследователи, опирающиеся на категорию коммуникации в контексте рассмотрения общественных систем. Так, Карл Дойч трактовал нацию как группу, в пределах которой

уровень коммуникативной активности значительно выше, чем за ее пределами. Формирование идеи национальной общности и складывание государств, он считал результатом процесса постепенной урбанизации и индустриализации общества, создающего более широкие возможности для коммуникации и, на ее основе, — для «социальной мобилизации» [5]. Причины дезинтеграции и гибели государств рассматривал в постепенном ослаблении внутренней коммуникации между социальными слоями и исключал из нее низшие слои. Последние, лишаясь возможности реализовать свои интересы и повысить социальный статус, оказываются, в конечном счете, той силой, которая разрушила существующую систему либо дестабилизирует ее, делает уязвимой перед лицом внешних угроз. Образование наднациональных и межгосударственных объединений, согласно Дойчу, является средством противодействия росту национализма в отдельных государствах, а также сохранения и совершенствования их социальных систем. В то же время Дойч отмечал нестабильность существующих межгосударственных объединений и опасность возврата членов сообществ к «агрессивному национализму».

С точки зрения рассматриваемых в данной работе проблем существенным представляется вопрос эффективности политической системы, который, по Дойчу, зависит от четырех элементов:

1) веса информации, получаемой системой, то есть частоты и широты изменений, в которых должно участвовать всякое правление;

2) опоздания ответа системы при реакции на новую информацию — т. е. времени, требующегося политическим руководителям для осознания новой ситуации, имеющихся вызовов и для принятия решений («часть времени, которая протекает с момента получения информации по поводу позиции самолета противника и до момента начала огня зениток в точке перехвата»);

3) выигрыша от корректировки — т. е. от скорости и качества реакции политической системы на новые факты, с которыми она встретилась;

4) дистанции между позицией, которую займет подвижная цель в соответствии с предварительными расчетами и той позиции, которую она занимала в момент получения от нее последнего сигнала (проблема «отрыва», которую призваны решать службы информации и предвидения).

Карл Дойч выступает активным сторонником идеи «социальной мобилизации». Он задумывает «социальную мобилизацию» как процесс задействования лиц в новых, нетрадиционных паттернах коллективной деятельности [6], которая является одним из аспектов общего процесса социетальной модернизации. «Социальная мобилизация» индивидов может предположительно произойти многими различными, но взаимосвязанными путями, включая распространение СМИ, географическую мобильность, городские условия проживания, занятость в непроеизводственной сфере, грамотность и образование, и повышение личного благосостояния, каждый из которых имеет весомое значение для политического развития. «Социальная мобилизация приносит с собой расширение политически значимых слоев населения, т. е. тех, действия которых необходимо учитывать в политическом процессе» [7]. Далее он предлагает, что широкая социальная мобилизация оказывает влияние на политических лидеров, подталкивая их к расширению государственных служб, которые, в свою очередь, приводят к росту размеров и масштабов национальной политической системы.

Необходимо также упомянуть, что теоретическая модель Дойча (в этом вопросе он солидаризуется с С. Хантингтоном) предполагает результат в форме «революции растущих разочарований» и политической нестабильности, если развитие политической системы не поспевает за требованиями, формируемыми в процессе «политической мобилизации» [11]. Подобные сложности, в свою очередь, замедлят или даже обратят вспять процесс политического развития путем утверждения военных диктатур, харизматично-популистских лидеров, или тоталитарных партий.

Другой адепт теории коммуникации и исследователь, расширивший представление о системной теории, Никлас Луман выдвигает предположение о центральном месте в системном подходе таких категорий, как: смысл (Sinn), коммуникация, система и среда, структурное сопряжение, функциональные эквиваленты, сложность. Способ обществ коммуницировать друг с другом находится в прямой зависимости от их описания самих себя, что, в свою очередь, неразрывно связано с их социальной структурой. Структурные изменения в обществе (в качестве примеров Луман берет переход к фабричному производству или изобретение печатного станка, электронной почты) могут привести к обнулению такого самоописания. С точки зрения Лумана, тем не менее, за семантическими изменениями следуют структурные изменения, несколько отстоя во времени. Значимые самоописания современного общества возникают только после того, как мы принимаем, что семантические традиции, например «старой Европы», в категорию бессмысленных [12].

Луман больше других исследователей системной теории уделяет внимание реформам, которые он рассматривает с той позиции, что они должны иметь некий эталонный характер, связанный с ликвидацией девиаций относительно восприятия обществом себя и реальной социальной структуры.

Во взглядах Лумана общество само по себе отдает предпочтение переменам, что толкает политических лидеров или к проведению реформ, или к замене их на иные удовлетворяющие общество процессы. Политическая система зачастую заменяет скандалами реформы или, по крайней мере, мы можем наблюдать отрицательную корреляцию между более менее реализуемыми реформами и скандалами [13]. То есть происходит имитация деятельности, которая содержательно не имеет ничего общего с процессом реформирования, но удовлетворяет текущие запросы общества и сохраняет в стабильном состоянии политическую систему.

Таким образом, можно говорить о том, что с точки зрения большинства сторонников системной теории, реформы имеют одно из приоритетных значений, позволяя компенсировать возможные колебания в развитии политической системы и вернуть ей нормальное состояние.

Системность реформ может быть определена как соответствие такому типу политического действия, который направлен на реальное реформирование институциональной и правовой структуры общества в области развития гражданского общества, образования, семьи, правительства и др. в целях достижения идеальной модели (в отношении каждого института), имеющейся в обществе в форме консенсуса (мнения большинства по конкретному вопросу).

Следует обратить внимание на потенциал имитации реформ, проблему замещения их атрибуцией в работах Истона, проблему подмены реформ скандалами в работах Лумана. В любом случае, не отменяя общих колебаний системы, такая подмена реформ несет в себе некоторую стабилизирующую функцию, что чрезвычайно интересно сопрягается с отечественным опытом реформирования, демонстрирующим обратные целевым ориентирам результаты (ярким примером может служить несостоявшаяся попытка ухода от зависимости от экспорта углеводородов национальной экономики). Тем не менее, даже попытка или упоминание данной реформы делают политиков востребованными и избираемыми, а систему практически неизменной. Можно сделать еще одно утверждение, касающееся условного шкалирования системности реформ: наиболее «системны» реформы, ведущие к достижению своих целевых ориентиров, наименее — реформы, носящие лишь атрибутивные признаки и не достигающие поставленных задач.

Проведенный в 1990-е годы колоссальный политический маневр, ускоренными темпами переводящий Россию из стран «транзитной экономики», безусловно, свои реформационные задачи не выполнил. Однако были созданы серьезнейшие институциональные преобразования, которые привели к более-менее устойчивой политической системе. В свою очередь, имеют место вспышки недовольства, проблемы в Кавказских республиках, сложности в отношении организации элементарных бытовых условий для огромного количества жителей страны, проживающих удаленно от федерального центра. Все это является свидетельством неудовлетворенности политической системой, которая на данный момент начинает испытывать на себе давление набирающей обороты социальной мобилизации. Чтобы избежать глубокого кризиса, необходима немедленная реакция в виде проведения преобразований в таких сферах, как: экономическая, политическая, правовая, органах социализации (включая семью и институты образования). Основными целевыми ориентирами должны стать рост конкуренции внутри каждой из сфер, а также реальная, а не мнимая свобода выбора.

Литература

1. Богданов А. А. Тектология — всеобщая организационная наука [Электронный ресурс]. — Url: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path> (Дата обращения: 18.04.2015).
2. Крюков С. В. Системный анализ: теория и практика. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2011.
3. Милецкий В. П. Российский опыт социального государства // Измерение социальной напряженности. СПб. : РГПУ, 2002.
4. Симонян Р. Х. Без гнева и пристрастия. Экономические итоги реформ 1990-х годов и их последствия для России. М. : Изд-во «Экономика», 2010.
5. Deutsch K. Political Community in the North Atlantic Area. Princeton : Princeton University Press, 1957.
6. Deutsch K. Political Research in the Changing World System // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1980. Vol. 1, N 1, Studies in Systems Transformation. P. 23–33.
7. Deutsch K. Social mobilization and political development // American Political Science Review. 1961. 55 (September). P. 493–514.
8. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York : Wiley, 1965.
9. Fernández J., Riley D. Beyond Strong and Weak: Rethinking Postdictatorship Civil Societies // American Journal of Sociology. Vol. 120. N 2 (September 2014). P. 432–503.
10. Howard M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
11. Huntington S. Political development and political decay // World Politics. 1965. N 17 (April). P. 386–430.
12. Lee D. The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann // Sociological Theory. Jul., 2000. Vol. 18, N 2. P. 320–330.
13. Luhmann N. Why Does Society Describe Itself as Postmodern? // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments, Part I). Spring, 1995. N 30. P. 171–186.
14. Parsons T. The Point of View of the Author / The Social Theories of Talcott Parsons. Max Black (ed.). New Jersey : Prentice-Hall, 1964.
15. Parsons T. Voting and the equilibrium of the American political system: On the concept of political power // Parsons T. Politics and social structure. New York : Free Press. 1969.
16. Uta G. Talcott Parsons and the Transformation of German Society at the End of World War II // European Sociological Review. Dec., 1996. Vol. 12. N 3. P. 303–325.
17. Von Bertalanffy L. General System Theory. Foundation, Development, Applications. New York : George Braziller, 1969.

References

1. Bogdanov A. A. *Tectology- General organizational science* [Tektologiya — Vseobshchaya organizatsionnaya nauka]. [Electronic resource]. — URL: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path> (Date of the address: 18.04.2015). (rus)

2. Krukov S.V. *System analysis: theory and practice* [Sistemnyi analiz: teoriya i praktika]. — Rostov-on-Don : Publishing House of the South Federal University [Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta], 2011. (rus)
3. Miletsky V.P. *Russian experience of the social state* [Rossiiskii opyt sotsial'nogo gosudarstva] // Measurement of social tension [Izmerenie sotsial'noi napryazhennosti]. SPb. : RSPU, 2002. (rus)
4. Simonyan R.H. *Without anger and addiction. Economic results of reforms of the 1990th years and their consequences for Russia* [Bez gneva i pristrastiya. Ekonomicheskie itogi reform 1990-kh godov i ikh posledstviya dlya Rossii]. M.: Publishing house «Economy» [Ekonomika], 2010. (rus)
5. Deutsch K. *Political Community in the North Atlantic Area*. Princeton : Princeton University Press, 1957.
6. Deutsch K. *Political Research in the Changing World System* // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1980. Vol. 1, N 1, Studies in Systems Transformation. Pp. 23–33
7. Deutsch K. *Social mobilization and political development* // American Political Science Review. 1961. 55 (September). P. 493–514.
8. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York : Wiley, 1965.
9. Fernández J., Riley D. *Beyond Strong and Weak: Rethinking Postdictatorship Civil Societies* // American Journal of Sociology. Vol. 120. N 2 (September 2014). P. 432–503.
10. Howard M. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
11. Huntington S. *Political development and political decay* // World Politics. 1965. N 17 (April). P. 386–430.
12. Lee D. *The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann* // Sociological Theory. Jul., 2000. Vol. 18, N 2. P. 320–330.
13. Luhmann N. *Why Does Society Describe Itself as Postmodern?* // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments, Part I). Spring, 1995. N 30. P. 171–186.
14. Parsons T. *The Point of View of the Author / The Social Theories of Talcott Parsons*, Max Black (ed.). New Jersey : Prentice-Hall, 1964.
15. Parsons T. *Voting and the equilibrium of the American political system: On the concept of political power* // Parsons T. Politics and social structure. New York : Free Press. 1969.
16. Uta G. *Talcott Parsons and the Transformation of German Society at the End of World War II* // European Sociological Review. Dec., 1996. Vol. 12. N 3. P. 303–325.
17. Von Bertalanffy L. *General System Theory. Foundadion, Development, Applications*. New York : Gearge Braziller, 1969.